

ДИНАМИКА НАРРАТИВОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЛАДИМИРА ПУТИНА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ФЕВРАЛЬ 2022 – ФЕВРАЛЬ 2025 Г.)

Р. В. Савенков, А. К. Травянкина

Савенков Роман Васильевич

E-mail: rvsav@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-1643-2444.

Травянкина Анна Константиновна

E-mail: travyankina_anna@mail.ru. ORCID: 0009-0002-8757-8659.

Воронежский государственный университет, Университетская пл. 1, Воронеж, 394006, Россия

Воронежский государственный университет инженерных технологий, пр-т Революции, 19, Воронеж, 394036, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты нарративного анализа публичных выступлений Президента России Владимира Путина в период с февраля 2022 г. по февраль 2025 г. В эмпирическую базу исследования включены выступления, обращения, послания главы государства (общее число — 37 текстов, общий объем — более 1 500 000 знаков). Обработка текстов проведена в три этапа: 1) ознакомление с документом и контекстом, составление рабочей таблицы по каждому тексту с яркими цитатами-иллюстрациями; 2) кодирования текстов с помощью инструментов QDA Miner 4 Lite в форме пропозиции; 3) детализирующее кодирование, задачами которого было определить сквозные и частные пропозиции, привести к единой форме повторяющиеся коды; рассчитана представленность каждой категории в тексте путем суммирования долей тех кодов-пропозиции, из которых состоит та или иная категория. Подтверждены наблюдения других исследователей о высокой «нарративности» выступлений В. Путина, его способности в понятной форме объяснять политические процессы и решения. В результаты были выделены 11 наиболее значимых проблемных тем, частота и глубина раскрытия которых изменялась. Доминантными темами 2022 г. стали обеспечение безопасности страны, формирование нового мирового порядка; в 2023 г. — защита культурной самобытности государства-цивилизации России; в 2024 г. — рост экономики, обновление политической элиты. С конца 2024 г. наблюдается преобладание темы переговоров, инициатором которых стал президент США Д. Трамп. Анализ показывает готовность Президента РФ В. Путина к поиску компромиссного решения в условиях беспокоящих Россию угроз.

Ключевые слова: тематический нарративный анализ, В. Путин, геополитическая реальность, политический дискурс.

Для цитирования: Савенков Р. В., Травянкина А. К. Динамика нарративов в политическом дискурсе Владимира Путина в условиях новой геополитической реальности (февраль 2022 – февраль 2025 г.). *Южно-российский журнал социальных наук*. 2025. Т. 26. № 2. С. 23–39.

Введение

Традиционно истоки нарратива и нарративного анализа наблюдаются в 1920-х гг. в трудах К. Леманна-Хаупта, К. Леви-Стросса, А. Греймаса, М. Бахтина. Однако полноценное проникновение нарратива в социальные науки произойдет только в 1970–1980-е гг., это связано с именами Ж.-Ф. Лиотара, Р. Барта, Ж. Женетт (так называемый нарративный поворот) (Троцук, 2004). В то же время «нарратив» остается наиболее неопределенной научной категорией с точки зрения дефиниции, области и методики применения, а также дисциплин, в рамках которых эта категория изучается.

Сложность исследования нарративов связана, во-первых, с их междисциплинарной природой, нахождением «на перепутье между структурализмом и рецептивной эстетикой» (Ильин, 2001), использованием их в рамках неопозитивистских и конструктивистских подходов, для которых характерен различный взгляд на мир, язык и возможность познания (Kruse, 2020). Во-вторых, неопределенность метода отягощается разнообразным числом нарративных жанров: изначально понятие нарратива применялось исключительно по отношению к вербальным текстам. Сегодня существуют экономические, кинематографические, медицинские, менеджерские, музыкальные и многие другие нарративы (Forchtner, Jorge, & Eder, 2020; Помигуев, 2024), но при этом нет четкого разграничения между *narrative analysis*, *narrative approach* и *narrative research*, хотя отдельные попытки развести эти научные концепты предпринимались (Onwuegbuzie, Abrams, 2024). В-третьих, ряд исследований страдает понятийно-категориальным и методико-процедурным волюнтаризмом, что дает повод некоторым обоснованно говорить о нарративе как просто о *модном словечке* (Цит. по: Шейгал, 2007).

Действительно, универсальной методологии проведения нарративного анализа не сложилось: по-прежнему дискуссионным остается вопрос о том, что считать первичной единицей анализа. В качестве единицы анализа встречаются варианты «*слова и действия политиков*» (Малинова, 2016) или метафоры (Вольчик, 2024; Каслова, 2003; Кара-Мурза, 2005). Несмотря на отсутствие единого понимания, в нарративном анализе все-таки выделяется ряд методик (В. Лабова и Дж. Валецкого, К. Рисмэн, В. Кейн), которые нередко комбинируются между собой и ситуативно обогащаются (Lee, 2014). В результате самообогащения, современный нарративный анализ превратился в синтетический качественно-количественный метод (Daphi, 2017; Elliot, 2005), что расширило окно его возможностей, снизив субъективизм исследователя.

Нарратив — это не просто информация/факты как сообщение, а объединенная фактами история, способная формировать у адресата новые причинно-следственные связи, новое понимание событий. У Ж.-Ф. Лиотара эти свойства обозначены как убеждающая и отвлекающая внимание функции нарратива. (Олешков, 2010), осуществляемые за счет вовлеченности или эмоциональной погруженности человека в нарратив (Green, Brock, 2000). Адресат «*разделяет эмоциональное состояние, а также идентифицирует себя с героями, особенно если события преподносятся как общий опыт*» (Daphi, 2017). Нарратив позволяет испытать чувство единения друг с другом и с нарратором, создавая конструкты национальной общности (Shenhav, 2015), но только в том случае, если события в нарративе описаны последовательно, стыкуются и в их основе лежат общие ценности. М. Олешков (2010) называет это дидактической функцией нарратива.

Общее мнение специалистов, что признание нарративов — неотъемлемая часть, любого политического дискурса, они предлагают адресату свою интерпретационную схему событий для принятия или отторжения. С нашей точки зрения, политические нарративы могут быть обнаружены и проанализированы в динамике в рамках категориального подхода путем группировки в категории уникальных пропозиций, которые мы рассматриваем в качестве первичных единиц нарратива. Пропозиции толкуются в лингвистической традиции как смысловое содержание высказывания.

С объявления Президентом России 24 февраля 2022 г. начала Специальной военной операции на Украине потребовалось не только объяснить это решение, но и создать связанные нарративы, вовлекающие граждан разных возрастных групп, социального и имущественного положения в активную поддержку меняющейся внутренней и внешней политики страны. Владимир Путин остается не только главным создателем дискурса власти, его персонифицированным выразителем, но и глубоким знатоком особенностей российской патерналистской политической культуры, реагирующим на её запросы. По данным ВЦИОМ в последние три года в российском обществе сформировалось «путинское супербольшинство» (ВЦИОМ, 2024), позволившее ему триумфально переизбраться на президентских выборах в 2024 г. Таким образом, медиапорядок современной России характеризуется объединением общественных и элитных групп вокруг Президента России В. В. Путина, позволяя рассматривать его как акторно-сетевую персону, чей политический дискурс является наиболее доступным источником вычленения ценностных кодов, способных консолидировать российское общество (Савенков, Травянкина, 2024).

Цель, методология, источники исследования

Целью исследования является определение специфики политического дискурса Президента России В. В. Путина, анализ изменения нарративов в его выступлениях в период формирования новой геополитической реальности. Хронологические рамки охватывают период с февраля 2022 г. по февраль 2025 г.

Источником исследования стали выступления, обращения, послания Владимира Путина (общее число — 37 текстов, общий объем — более 1 500 000 знаков (что соответствует более чем 500 страницам текста)). Теоретическая выборка текстов разных жанров, с которыми Президент выступал перед аудиторией проведена по основанию наличия у них статуса «заявлений по важнейшим вопросам» (статус выставляет официальный сайт Президента РФ); шаг выборки — 1 текст в 1 месяц с целью получения возможности формулировать выводы в динамике. В месяцы, когда тексты с таким статусом на официальном сайте отсутствовали, использовался метод случайной выборки.

Этапы работы. «Поскольку нарративное исследование — это непрерывная рефлексивная методология, исследователям необходимо постоянно анализировать свой опыт до, во время и после каждого исследования» (Clandinin&Caine, 2008). Обработку данных рекомендуют проводить не менее чем в два этапа (Lee, 2014). Нами была проведена обработка данных в три этапа с целью снижения степени исследовательского субъективизма, издержек авторской интерпретации и риска деконструировать собственное воображение.

Первый этап был связан с погружением в контекст и общим ознакомлением с текстами и ответами на вопросы по схеме, соответствующей базовым требованиям к составным частям нарратива: «Где начало и конец нарратива?», «Кто участники нарратива?», «На чем фокусируется нарратор?», «Какие эмоции транслирует нарратор?», «Как нарратор показывает связь между прошлым и будущим?». Для каждого текста также была коротко охарактеризована языковая ситуация, в первую очередь с точки зрения того, кто выступал его адресатом, поскольку есть очевидная разница между выступлением на «Валдае» и встречей с матерями военнослужащих с точки зрения поднимаемых тем, выбираемых коммуникативных

стратегий и стилистических средств. В результате была составлена рабочая таблица по каждому тексту с яркими цитатами-иллюстрациями.

Второй этап представлял собой первую волну кодирования текстов с помощью инструментов QDA Miner 4 Lite. Кодирование — это присвоение фрагментам текста определенного кода, который в нашем случае намеренно формулировался как пропозиция (например, пропозиции «Запад игнорировал попытки России решить все мирным путем», «У России экономический рост», «Украина отказалась от переговоров» и т.п.). Из QDA Miner в Excel были выгружены результаты кодирования текстов, мы получили распределение слов по каждому коду в каждом тексте. Учитывая, что данные в Excel уже попадают «очищенными» от иных сюжетов, во внимание берутся только те части текстов, которые посвящены новой геополитической реальности и СВО. Инструмент QDA Miner удобен для категориального нарративного анализа тем, что он позволяет объединять коды категории уже на этапе кодирования и перемещать их между категориями.

На третьем этапе проведено повторное детализирующее кодирование, задачами которого было определить сквозные и частные пропозиции, привести к единой форме повторяющиеся коды (т.е. снизить влияние того, что называют человеческим фактором (research bias)). Как пример, в нашем случае 189 кодов были оптимизированы до уникальных 160.

Далее данные из QDA Miner по каждому тексту были выгружены в MS Excel. Здесь укрупнялись обнаруженные категории с задачей найти оптимальное сочетание содержания и количества, удержать баланс между контекстом и общей мыслью, между кодом-пропозицией и нарративом, который он обеспечивает. Это принципиально важный момент, на этом этапе появляется четкое понимание, какие коды-пропозиции какой нарратив обеспечивают и каков вектор связи между ними — гармония или конфликт. Конфликт кодов внутри категории или категорий с друг другом показывают уязвимость нарратива.

Затем была рассчитана представленность каждой категории в текстах путем суммирования долей тех кодов-пропозиции, из которых состоит та или иная категория. Для фиксации динамики каждой темы бралось ее медианное значение за полугодие, чтобы минимизировать влияние специфики языковой ситуации, которая обуславливает повышенное внимание к тем или иным категориям в зависимости от жанра выступления. Нанеся медианы на графики, мы можем зафиксировать явное изменение доминирующих тем: в каких полугодиях им уделяется меньше внимания, а в каких — больше, что отражает изменения в наполнении дискурса Владимира Путина.

Сложности аналитической работы на финальном этапе связаны трудностью обнаружения нарратива и очерчивания его границ: во-первых, мы двигались от частного к общему; во-вторых, большое количество кодов сигнализирует не только о широте интерпретационной схемы, но и о подвижности нарративов в ней. Программное обеспечение исследования: QDA Miner 4 Lite, MS Excel 2016.

Результаты исследования

Специфика политического дискурса Владимира Путина

Коммуникативный портрет Владимира Путина является одним из самых изученных в отечественной и зарубежной науках, в том числе междисциплинарными

методами. Нами выделены семь базовых черт, которыми можно охарактеризовать Владимира Путина как публичного политика и создателя нарративов. Первое — приверженность к риторическим приемам *противопоставления*, особенно антитезам, часто принимающим вид дихотомии «свой — чужой». Второе — *интертекстуальность* — свойство переключки текстов, обнаруживающееся в предметности содержания и сходных стратегиях работы с разными целевыми аудиториями. Третье — *стилистическое многообразие*, которое усматривается в пересечении экономического и юридического дискурсов с просторечными формами и сниженной лексикой («хоть черта лысого можно использовать, прости Господи», «эта дамочка», «междусобойчик», «несогласных ломают через колено»). Именно сильное влияние разговорного языка обуславливает четвертую характеристику — *прецедентность*, частые ссылки на продукты определенной культуры. Речь идет не только о возрастающей роли литературной дипломатии в выступлениях президента, выраженной в цитировании классиков русской художественной литературы и философской мысли (Цзин, 2024). Так, продуктом культуры является общеизвестная фраза «мочить в сортире» (из выступления в 1999 г.) как производственный жаргонизм представителей силовых структур. Последними яркими примерами отсылок стало обращение к советскому фильму «Кавказская пленница» («А часовню какого-то там XII или какого века тоже мы разрушили?») или обращение к памяти о советском прошлом («вашингтонский обком»). Пятой особенностью является то, что сами высказывания Владимира Путина в российском массовом сознании оформляются как *прецедентные* («пить будем потом» (1999 г.), «замучается пыль глотать» (2002 г.), из свежего — «пока еще ничего не начинали» (2022 г.). Шестая особенность — дискурсу Владимира Путина свойственна *аффективность*, аргументационная апелляция к чувствам (выражающаяся, например, в наделении государств антропоморфными чертами — умением чувствовать обиду, лгать, страдать); седьмая — *нарративность*. На последней черте остановимся подробнее.

Анализируя выступления президента периода «Крымского консенсуса», А. В. Абраменко обратила внимание на то, что обращение Владимира Путина о воссоединении Крыма и России отвечает всем сущностным признакам нарратива (2014 г.). Аргументационные рисунки включали сюжетные линии, в которых действовали различные персонажи, все сопровождалось эмоциональной оценкой политика. Особенно такой тип повествования обнаруживает себя в диалоговых и полилоговых формах, во время сессии вопросов-ответов после выступления, что сближает такие ситуации с нарративным интервью. Ведущая задача модератора при проведении нарративного интервью — деконструировать мироощущение объекта его исследования, говоря проще — определить, как человек понимает причинно-следственные связи между описываемыми событиями или между событиями и контекстом, в который они помещены. Поэтому модератор намеренно формулирует вопросы, которые иногда называют *объясняющими*, или *интерпретационными* («Что произошло потом?», «Почему именно это?», «А что было дальше?»), побуждая респондента рассказывать истории, складывающиеся в его личные нарративы. Конечно, участники форумов задают свои вопросы, исходя из иных соображений, но Владимир Путин с характерным ему нарративным типом повествования отвечает на их вопросы не кратким прямым ответом, а мини-историями. Причем ряд из них имеют интересные повествовательные

модели, близкие к инвариативной модели сказок и иных форм народного творчества. «*Приехали, как мы помним, три министра иностранных дел в Киев...*», — начинает Владимир Путин рассказывать Дмитрию Киселеву историю о Януковиче и госперевороте (апрель 2024 г.) Суггестивное свойства нарратива проявляется в том числе таким образом: адресат слышит знакомую с пеленок и очень простую ментальную модель.

В текстах, составляющих нашу выборку, содержатся также история об «Азовста-ли», история о приезде МАГАТЭ на Запорожскую АЭС, история о Лиз Трасс с ядер-ной кнопкой, история о немецком мальчике (анекдот), история о злоключениях турбины «Газпрома», история о канадском парламенте, история о тренере по дзюдо и др., все они соответствуют знаковым периодам хода СВО, которые активно обсуждались в коммуникационном пространстве, и отсылают нас к опреде-ленным переживаниям, связанным с этими этапами. Все эти истории органично встраиваются в темы нарративов в дискурсе В. В. Путина.

Специфика текущего политического момента с точки зрения политического дискурса заключается в его существовании в более закрытом режиме (Байша, 2023). Без учета институциональных, режимных и иных аспектов, вербально это выражается в стандартизации дискурса, например, через идеологемы «денаци-фикация», «демилитаризация», «анти-Россия», «анти-ценности», «однополярный мир». Как замечали Е. Плахина и И. Белякова, анализирующие дискурсы времен «холодной войны», таким образом поддерживается ощущение гармонии и пред-сказуемости в обществе (2016), дефицит чего все испытывают, находясь в услови-ях геополитической турбулентности.

Уже в период крымских событий исследователи заметили, что «*современный политический контекст диктует преобладание в русскоязычном нарративе прие-мов иронии, сарказма, прямых насмешек и использования обценной лексики в адрес оппонентов, которые представляются безвольными шутами*» (Плахина, Белякова, 2016). В отношениях с зарубежными игроками и российской элитой Владимир Пу-тин примеряет образ Ироничного Правителя — «*того, кто досконально понимает происходящую ситуацию, до поры до времени не вмешивается в нее, но и не намерен делать серьезное лицо, глядя на глупости, которые творят, казалось бы, “сильные мира сего”*» (Минченко Консалтинг, 2024).

Интересно, что обращение к подсанкционным членам российской элиты, чье имущество оказалось конфисковано, а счета заморожены, имело не только нра-воучительную и строгую «отцовскую» форму, но и интерпретировало ситуацию, в максимально народной ментальном модели: поиски страны с *молочными ре-ками и кисельными берегами*, где они смогут *наесться, напиться и развеселиться* за счет российского народа, закончились для них «*воровской утопией*». Волшеб-ное *иное царство* — это не более чем обманка, потому что прежде всего оно *иное, чужое*.

Таким образом, исследователями выделены особенности публичных выступле-ний В. Путина, характерные черты его как коммуникатора. Основная для нашего исследования черта — нарративность его выступлений. Речевой и содержатель-ный стандарты задает именно Президент России Владимир Путин. В соответ-ствии с теорией каскадной активации формирования общественного мнения стандартизация направлена больше на журналистское сообщество и медийных лиц: «*...медиа фреймы и нарративы достигают широких слоев населения... Чем*

значительнее разногласия между ними, тем больше различий в трактовке нарративов и тем выше вероятность появления контрфреймов в репортажах и обсуждении проблем (Кастельс, 2016). С этим связана глубокая проработка нарративов в выступлениях В. Путина, позволяющая избежать множественности трактовки нарративов.

Темы нарративов

По результатам анализа в соответствии с тематическим подходом, предложенным К. Риссмэн (Riessman, 2004), было выделено 11 тем. Все эти темы содержательно не являются принципиально новыми и оформившимися в дискурсе Владимира Путина только в период 2022–2025 гг., за объективным исключением, пожалуй, фронтовых и переговорных нарративов, хотя и последний имеет преемственность с текстами предыдущих периодов (например, пропозиция *«Запад годами игнорировал стремление России решить все мирным путем»*) (табл. 1).

Стержневой темой на протяжении всего периода закономерно является «Агрессия противника», широко проиллюстрированная и в прошлом, и в настоящем, нередко в связке с *глупостью*, *высокомерием* и *отказом видеть очевидное*, в том числе ход истории, объективно оставляющей однополярный мир в прошлом. Такими же стабильно представленными темами являются «Право» (например, пропозиции *«Россия соблюдает международное право»*, *«Россия сокращает свое участие в соглашениях по разоружению, чтобы сохранить паритет»*, *«Власть на Украине нелегальна и нелегитимна»* и др.), «Развитие» (*«Россия строит образ будущего»*, *«СВО — шаг к обретению полного суверенитета»*, *«Участники СВО — новая элита»* и др.), «Поддержка» (*«Сила России в единстве»*, *«Подавляющее большинство россиян поддерживает СВО»*, *«Поддержка Украины Западом не мешает ходу СВО»* и др.), «Мир» в значении «мировое сообщество» (*«Россия поддерживает хорошие отношения с мировым большинством»*, *«Будущее за новым многополярным мироустройством»*, *«Запад пытается сохранить однополярный мир, но он в прошлом»* и др.). Все темы в большей степени вписаны в образ России, а не Украины и стран Запада, хотя эти категории применяются также и к ним, но с антонимичным содержанием. Пространством наибольшего противостояния и противопоставления России и Запада является «Культура» (*«Россия — маяк традиционных ценностей»*, *«Запад насаждает опасную культуру»*, *«Запад ведет политику забвения и отмены неугодных»*, *«Российскую культуру невозможно отменить»* и т.п.).

Стержневыми нарративами в образе России являются «Поддержка», контакты России с «Миром» (пропозиция *«Россия не одинока»*). В рамках нарративов «Экономика» и «Поддержка» Владимир Путин выстраивает доверительный контакт с аудиторией, признавая существующие трудности и демонстрируя шаги, которые предпринимаются уже или будут предприняты для качественного улучшения ситуации (пропозиции *«Сложности в российской экономике есть, но все под контролем»*, *«Власти России держат руку на пульсе по поводу проблем в новых регионах»*, *«Российские власти поддерживают отечественный бизнес»*).

Не можем здесь не сказать о сюжете с образом российского чиновника в 2022–2025 гг. До начала СВО российские управленцы характеризовались как слабые, несамостоятельные и неумелые игроки, нуждающиеся в направлении и контроле. Определенная критика негативных привычек поведения чиновничества сохраняется и сегодня, особенно явно она звучала в период мобилизации; президент

Таблица 1. Операциональные характеристики нарративов по темам
Table 1. Operational characteristics of narratives according to topics

Тема	Содержание	Примеры цитат
Агрессия противника	Образ Запада — источник агрессивных действий и планов в прошлом и настоящем (разжигание войн, вмешательство, терроризм), вынужденные ответы России, которые заменили многолетние попытки поиска мирных решений	Запад врал о мире, а готовился к агрессии и сегодня признаётся в этом уже не стесняясь, в открытую, а Украину и её народ они цинично используют для ослабления и раскола России. Мы никогда и никому не позволим и не позволим этого сделать (Новогоднее обращение, 2022 г.)
История	Представляет выборку исторических фактов и прецедентных текстов прошлого, которые актуализируются в настоящем (актуальное прошлое)	Мы с вами стоим на Красной площади, на земле, которая помнит дружинников Юрия Долгорукого и Дмитрия Донского, ополченцев Минина и Пожарского, воинов Петра Великого и Кутузова, парады 1941 и 1945 годов (Парад Победы, 2022 г.)
Культура	Ценностный, цивилизационный и идеологический (неонацизм, утилитаризм, глобальный либерализм) аспект противостояния, сюда же включен детский нарратив	И до последнего времени не прекращались попытки... разрушить наши традиционные ценности и навязать нам свои псевдоценности, которые разведдали бы нас, наш народ изнутри, те установки, которые они уже агрессивно насаждают в своих странах и которые прямо ведут к деградации и вырождению, поскольку противоречат самой природе человека (Обращение 24 февраля 2022 г.)
Экономика	Преодоление Россией санкционного давления, которое обернулось против западных стран, совместная борьба российской власти и бизнеса с трудностями и переход к экономическому росту	Что касается того, богатеет мы или не богатеет. Экономика растёт — это же факт, причём факт, который зафиксирован не нами, а международными экономическими, финансовыми организациями (Интервью Д. Киселеву, 2024 г.)
Право	Верховенство закона на международной арене (международное право, а не правила) и внутри государств (ссылки на российское, украинское, немецкое законодательства)	И мы в соответствии с 51-й статьей Устава ООН, раздела седьмого, тоже вынуждены были это сделать, начав специальную военную операцию (Встреча с Антониу Гутеррешем, 2022 г.)
Мир	Мироустройство, глобальные проблемы, контакты России с другими государствами и международными организациями, с акцентированием на возрастание их числа и открытость России внешнему миру в противовес западному изоляционизму	Вы сказали, сожалеем ли мы или не сожалеем? А чего нам сожалеть? Это же не мы захлопываем дверь для совместного общения, это Европа от нас отгораживается и создаёт новый «железный занавес» («Валдай», 2023 г.)

Окончание таблицы 1
End of table 1

Тема	Содержание	Примеры цитат
Поддержка	Взаимная поддержка российского народа и государства, единство их действий, а также расширяющаяся база поддержки России в том числе на Украине и на Западе	Консолидированная воля миллионов людей — это колоссальная сила, свидетельство нашей общей твёрдой уверенности, что судьбу России мы будем определять сами и только сами ради сегодняшних и будущих поколений (Инаугурационная речь, 2024 г.)
Развитие	Стратегическое суверенное развитие России в интересах ее народа и с опорой на него, усиление во время ослабления противника, действующего непослдовательно и исключительно из корыстных интересов	Иначе как можно спокойно смотреть на то, что, скажем, в Штатах принимаются законы, которыми переманивают целые огромные предприятия, чуть ли не отрасли из Европы, которые вынуждены переезжать и там открывать свои производства. Как же можно с этим согласиться? (Форум объединённых культур, 2023 г.)
Оружие	Виды оружия, превосходящие характеристики, условие его применения с ссылками на законодательство (наиболее близкая тема к теме «Право»), развитие российского ВПК, но нежелание вступать в навязываемую Западом гонку вооружений	Мы также понимаем, что Запад пытается втянуть нас в гонку вооружений, тем самым измотать, повторить трюк, который им удался в 80-е годы с Советским Союзом. Напомню: в 1981–1988 годах военные расходы СССР составляли 13% валового национального продукта. Поэтому наша задача — так развивать оборонно-промышленный комплекс, чтобы нарастить научный, технологический, индустриальный потенциал страны (Послание Федеральному Собранию, 2024 г.)
Фронт	Ситуация на линии боевого соприкосновения, продвижение спецоперации, контрастные образы российского и украинского командования, а также западных кураторов	Знаете, облетело у нас интернет — танк «Алёша» и так далее. Я когда с ребятами встречался, мне, по-моему, командир как раз рассказывал, когда он ещё не был танкистом и просто служил в пехоте, в мотострелках, он в окопе сидел, и прилёт, рядом с ним сидел товарищ, он его накрыл собой. Я говорю: «Кто такой, это Ваш друг?» — «Нет, просто был рядом. И я потерял его в госпитале, помогите найти» (Встреча со студентами — участниками спецоперации, 2024 г.)
Переговоры	Возможности разрешения конфликта путем переговоров, условия начала переговоров со сторонами России, разъяснение причин отказа киевского режима от переговоров	Он (Виктор Орбан) предложил и рождественское перемирие, он предлагал и обмен пленными. Я не отказался ни от чего, я сказал: в принципе, надо подумать, вы у них спросите. Он спросил. На следующий день глава (киевского) режима заявил, что никакого перемирия, никакого обмена пленными не будет (Итоги года, 2024 г.)

также дает управленцам наставления — проявлять индивидуальный клиенториентированный подход, чуткость («сдирать “корку безразличия”»), и убрать любые противоречия между ведомствами, потому что «сила России в единстве» на всех уровнях (пропозиция). Президент фиксирует успешность их работы в противостоянии санкционному давлению, особенно много внимания уделяется результатам деятельности Правительства Михаила Мишустина.

Контактоустанавливающим является и обращение к Великой Отечественной войне, имеющей сакральное значение для россиян всех возрастов и поколений. Так, видеообращение президента по случаю 80-летия освобождения Донбасса (2023 г.) не просто содержит параллели, а представляет собой полный перенос современных событий в те исторические реалии. О. Ю. Малинова (2016) отмечала «поливалентность» этого трагического периода советской истории, что позволяет «приписывать ему дополнительные смыслы, и не подвергается серьезному оспариванию (по крайней мере, в самой России). Других символов, обладающих такими же ценными для политики идентичности качествами, в российском репертуаре актуализированного прошлого попросту нет». Добавим к этому, что именно День Победы 9 мая является ключевой, символической точкой, в которой простой гражданин сближается с государственной властью.

Специфика нарратива «Развитие» заключается в том, что он обращен и к народу, и к элитам, в первую очередь к прозападной, либерально настроенной части, оставшейся «с протянутой рукой», для которой подчеркивается, что с собой в путь «Развития» Россия берет только тех, кто ставит на первое место национальные, а не личные экономические интересы.

В дискурсе Владимира Путина (тема «Мир») дружественные страны — это в первую очередь страны, чьи лидеры являются патриотами, поэтому образы дружественных стран часто персонифицированы, а образы недружественных — гиперболизированы. Характеристика патриота в разные периоды времени давалась Си Цзиньпину (Китай), Нарендру Моди (Индия), Реджепу Эрдогану (Турция), Мухаммеду бен Сальмену (Саудовская Аравия), а также европейским политикам прошлого, например, Герхарду Шредеру. В выступлениях Владимир Путин имплицитно отказывает современным европейским политическим деятелям в величине и профессионализме: для описания экономической ситуации в Германии была использована форма не рассказа или сказки, а именно анекдота («А мы что, русские?», Клуб «Валдай», 2022 г.).

Таким образом, анализ выступлений В. Путина в 2022–2025 гг. позволил выделить 11 главных тем (табл. 1).

Динамика нарративов

Анализ нарративов в выступлениях В. Путина на основе кодирования позволил проследить изменения в главных темах прошедших лет. Если в начале 2022 г. Россия была представлена как защитник собственных интересов от внешней агрессии, вынужденная активно самообороняться, то к концу года образ России гармонично трансформировался в творца нового миропорядка. Тема СВО является главной: в новогоднем обращении Президента представлены темы «Агрессия противника», «Экономика», «Фронт». В этот период проходят Стамбульские переговоры, обсуждается зерновая сделка, глава государства демонстрирует открытость к взаимодействию, а в его текстах широко представлена тема «История».

С 2023 г. используется понятие «Россия — государство-цивилизация», носитель широко трактуемого суверенитета: государственного, общественного, финансового, кадрового, технологического. Фиксируется высокая доля темы «Культура»: традиционные ценности, защита и воспитания детей (2023 г. был объявлен Годом педагога и наставника). В начале года закрепляется нарратив «право большинства», в обществе наблюдается оформление «Донбасского консенсуса», запускаются нарративы про «подавляющее большинство», «абсолютное большинство», «принципиальную позицию, которую заняли граждане». Активные несогласные с СВО обозначаются как «пятая колонна», а релоканты — как предатели интересов страны и народа, уехавшие обслуживать интересы других стран. К концу года фиксируется рутинизация темы СВО, она перестает быть стержневой. В новогоднем обращении Президент акцентируется преимущественно на единстве народа.

Год 2024 — выборный год — Владимир Путин начинает с кадрового вопроса («Участники СВО — новая элита»). Этот этап характеризуется снижением внимания к темам «История» и «Культура», ростом темы «Экономика» («Россия — четвертая экономика мира»). Дискурс становится более ориентированным на избирателей, возрастает роль рационально-логической аргументации. В 2024 г. тренд на сокращение первостепенного внимания к СВО сохраняется: во время выступления на пленарном заседании ВЭФ ВВП не касается темы СВО, упомянув лишь санкционное давление со стороны недружественных стран. СВО появляется только в вопросно-ответной сессии. Президент уловил некоторую усталость российского общества (замеры ВЦИОМ показывали ее уже тогда) и отреагировал.

Несмотря на рутинизацию СВО, события лета и осени подталкивали Владимира Путина обращаться в 2024 г. к теме «Оружие» («право сильного»). Происходит постепенное заполнение дискурсивного пространства темой «Переговоры»: обсуждаются условия для начала переговоров со стороны России, отказ Украины от переговоров, мирные инициативы премьер-министра Венгрии В. Орбана и победившего кандидата в президенты США

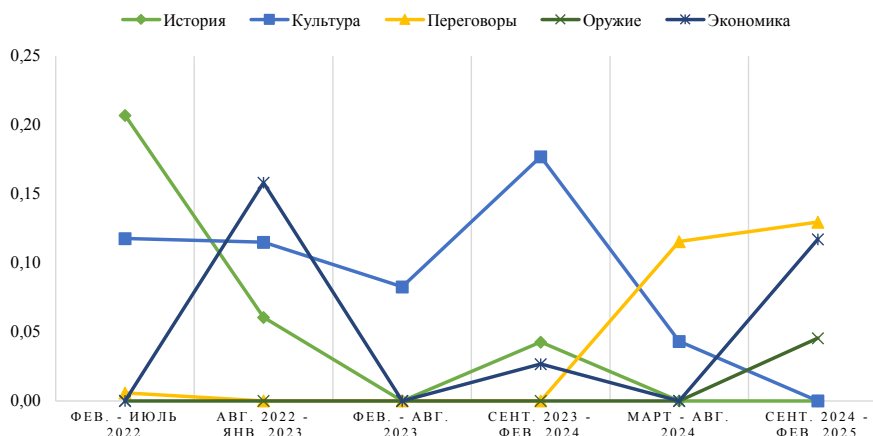
Д. Трампа. Темы «Оружие» и «Переговоры» не вступали в противоречие друг с другом, потому что объясняются пропозициями «Противник хочет улучшить свои переговорные позиции в будущем любыми способами» и «Переговоры для Запада — результат осознания, что Россию не победить на поле боя».

А 2025 г. начался с темы «Переговоры» и мирной инициативы Д. Трампа, которая получила свое развитие в возобновлении контактов между Россией и США.

Таблица 2. Динамика тем в дискурсе В. В. Путина

Table 2. Dynamics of topics in the discourse of V. V. Putin

Год	Тема
2022	От защиты национальных интересов к созданию нового мирового порядка
2023	Россия — государство-цивилизация с уникальной культурой
2024	Рост экономики России, формирование элиты из числа военнослужащих в рамках темы «Развитие»
2025	Возможность переговоров

Динамика представленности тем в дискурсе В.В. Путина (февраль 2022 — февраль 2025 г.)
Dynamics of the representation of topics in the discourse of V. V. Putin
(February 2022 — February 2025)

Владимир Путин продемонстрировал последовательную открытость к диалогу (табл. 2).

На рисунке приведены результаты количественного анализа — расчет медианной представленности конкретных кодов в общем массиве закодированного нами текста. Намеренно выделены количественно подвижные категории.

Таким образом, дискурс Президента России В.Путина динамичен, учитывает изменение внешнеполитической ситуации и общественные запросы.

Выводы

Эффективность Владимира Путина как создателя и транслятора нарративов связана с рядом факторов. Его дискурс обладает высоким объяснительным потенциалом, органично подходящим для российской политической культуры. В.В. Путин с присущей ему чертой нарративности «не только излагает события, но делает их доступными для понимания и систематизирует причинно-следственные связи» (Абраменко, 2014). Иными словами, нарративы Президента направлены на упорядочивание «мирового беспорядка» и хаоса, причем в очень знакомых гражданам, простых ментальных моделях. Такая манера повествования особенно привлекательна и эффективна в условиях распространения информационного шума.

Нарративный анализ главных выступлений В. Путина позволил выявить одиннадцать тем, частота и образность которых менялась на протяжении трех лет. С началом СВО необходимо было объяснить её цели, представить Россию как уникальную цивилизацию, существованию которой угрожают враждебные ценности и практики поведения. На третьем году СВО стержневыми становятся темы роста отечественной экономики и генерирования новой элиты из героев СВО.

Текущий российский метанарратив ориентирован на переговоры (несмотря на изменение военной доктрины). Представленность темы «Переговоры» растет, она становится привычной для российского коммуникационного пространства, хотя Владимир Путин не является инициатором обращения к этой теме. О договороспособности косвенно свидетельствует снижение интереса к теме «Культура»,

так как это не только главный камень преткновения между Россией и Западом, но и вид конфликта, который принято считать неразрешимым. Так, сближение с Китаем рисуется в том числе на культурной основе, исходя из общей приверженности традиционным ценностям, а возобновление дипломатического взаимодействия с США аргументационно имеет экономическую основу: «С действующей администрацией США у России может быть много точек соприкосновения, в том числе в вопросах экономики». Экономический дискурс, основанный на понятиях выгоды, сотрудничества, обмена, более договороспособный в виду своей рационально-логической, а не эмоциональной природы. Обозначение оппонента как «действующая администрация США», а не просто «США» тоже свидетельствует об определенном «потеплении», большей открытости, потому что появляется элемент персонификации.

За три года в выступлениях не зафиксировано детализации основ нового миропорядка: его модель держится на доктринальных принципах равенства без уточнения обновляющейся мировой конфигурации. Другими словами, сохраняется «поле для договора» не только с «мировым большинством», но и с «меньшинством», которым в виду его интеллектуальных, материальных, человеческих, культурных ресурсов невозможно пренебречь и убрать «на задворки истории». Пространство диалога по этому вопросу намеренно держится широким и не сужается.

Библиографический список

- Абраменко, А. В. (2014). Нарративная стратегия в контексте асимметричной политической коммуникации (по материалам выступлений В. В. Путина). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 11–1, 13–18.
- Байша, О. (2023). СВО и закрытие дискурсов: вытеснение альтернативных смыслов и фиксация гегемонистских значений. *Социодиггер*, 4, 9. Режим доступа <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/svo-i-zakrytie-diskursov-vytesnenie-alternativnykh-smyslov-i-fiksaciya-gegemonistskikh-znachenii>
- Вольчик, В. В. (2024). Идеология и нарративная экономика. *Terra Economicus*, 22, 21–33.
- Динамика образа Владимира Путина: от Воина к Правителю-Творцу (2024). *Доклад коммуникационного холдинга «Минченко Консалтинг»*. Режим доступа https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Publichnyi_obraz_Putina_dlya_publicatsii.pdf
- Ильин, И. П. (2001). *Постмодернизм. Словарь терминов*. Москва: ИНИОН РАН: INTRADA.
- Итоги 2024 года. Прогнозы на 2025 год. (2024). *Доклад Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)*.
- Кара-Мурза, С. Г. (2005). *Манипуляция сознанием*. Москва: Эксмо.
- Каслова, А. А. (2003) *Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Федеральные выборы» в США и России (2000 г.)* (Автореф. канд. дис.). Екатеринбург.
- Кастельс, М. (2016). *Власть коммуникации*. Москва: Изд. Дом Высшей школы экономики.
- Малинова, О. Ю. (2016). Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам. *Полис. Политические исследования*, 6, 139–158.
- Олешков, М. Ю. (2010). Дискурс и текст: нарративная интеграция смыслов. В М. Ю. Олешко (ред.) *Дискурс, текст, когниция: коллективная монография* (с. 49–59). Нижний Тагил: НТГСПА.
- Плахина, Е., Белякова, И. (2016). Бег по кругу: риторика холодной войны в современной российской и американской прессе. *Quaestio Rossica*, 4(2), 159–180.

- Помигуев, И. А., Прокопчук, Т. Л., Кошкин, А. В. (2024). Возможности метода нарративного анализа, или Как искать политические ценности в российском кино? *Политическая наука*, 4, 45–65.
- Савенков, Р. В., Травянкина, А. К. (2024). Динамика паттерна «угроза национальной безопасности» в риторике Президента РФ В. В. Путина в контексте общественных настроений россиян. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26, 436–447. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-436-447
- Троцук, И. В. (2004). Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 1, 41–53.
- Цзин, Ш. (2024). Стратегии и эффекты литературной дипломатии в выступлениях В. В. Путина. В *Материалы Международной научно-практической конференции «Язык и культура: взгляд молодых»*. Режим доступа https://www.elibrary.ru/download/elibrary_80237692_39488351.pdf
- Шейгал, Е. И. (2007). Многоликий нарратив. *Политическая лингвистика*, 2, 86–93.
- Clandinin, D., & Caine, V. (2008). Narrative Inquiry. In Lisa M. Given (Ed.) *The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. (pp. 542–545). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc. DOI: 10.4135/9781412963909.n275
- Daphi, P. (2017). *Becoming a Movement. Identity, Narrative and Memory in the European Global Justice Movement*. London: Rowman & Littlefield International Ltd.
- Elliott, J. (2005). *Using Narrative in Social Research: Qualitative and Quantitative Approaches*. London: Sage.
- Forchtner, B., Jorge, M. E., & Eder, K. (2020). Towards a Revised Theory of Collective Learning Processes: Argumentation, Narrative and the Making of the Social Bond. *European Journal of Social Theory*, 23(2), 200–218
- Green, M. C., Brock, T. C. (2000). The Role of Transportation in the Persuasiveness of Public Narratives. *Journal of Personality and Social Psychology*, 79, 701–721.
- Kruse, E. N. (2020, May). *Making Sense of Ontological and Epistemological Standpoints in Narrative Analysis*. Humboldt University of Berlin. Режим доступа https://www.academia.edu/48980147/Narrative_analysis
- Lee, H. Y-H. (2014). Narrative Inquiry / Narrative Analysis. *Lecturer's Note Research Methodology*. Режим доступа https://www.academia.edu/9363192/Narrative_Analysis_Narrative_Inquiry
- Onwuegbuzie, A. J., Abrams, S. S. (2024). Towards Mixed Methods Narrative Inquiry and Mixed Methods Narrative Research that are Transparent, Rigorous, Ethical, and Equitable (TREE). *Journal of Mixed Methods Studies*, 9, 82–129. DOI: 10.59455/jomes.2024.9.2
- Riessman, C. K. (2004). Narrative Analysis. In W. S. Levis-Beck et al. (Eds), *The Sage Encyclopedia of Social Science Research Methods*. DOI: 10.4135/9781412950589
- Shenhav, S. (2015). *Analyzing Social Narratives*. New York: Routledg.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025
Статья принята к публикации 12.05.2025

THE DYNAMICS OF NARRATIVES IN VLADIMIR PUTIN'S POLITICAL DISCOURSE UNDER CONDITIONS OF A NEW GEOPOLITICAL REALITY (FEBRUARY 2022 — FEBRUARY 2025)

R. V. Savenkov, A. K. Travyankina

Roman V. Savenkov

E-mail: rvsav@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1643-2444.

Anna K. Travyankina

E-mail: travyankina_anna@mail.ru. ORCID 0009-0002-8757-8659.

Voronezh State University, University Square 1, Voronezh, 394006, Russia
Voronezh State University of Engineering Technologies, Revolution prospekt, 19, Voronezh, 394036, Russia

Abstract. The article presents the results of narrative analysis of Russian President Vladimir Putin's public speeches in the period from February 2022 to February 2025. The empirical base of the research includes speeches, addresses, letters from the head of state (the total number includes 37 texts with the total volume of over 1,500,000 characters). The text processing was carried out in three stages: 1) familiarization with the document and context, compiling a worksheet for each text with vivid quotes as an illustration; 2) encoding texts using QDA Miner 4 Lite tools in the form of propositions; 3) detailed coding, whose objectives were to identify cross-cutting and specific propositions, to bring the repetitive codes to a common form; and to calculate the representation of each category in the text by summing up the shares of the codes-entries that make up a given category. Other researchers' observations about the high "narrativity" of V. Putin's speeches, his ability to explain political processes and decisions in a clear form have been confirmed. The results highlighted 11 of the most important problematic topics, whose frequency and depth of disclosure varied. Thus, in 2022, the dominant themes were devoted to ensuring the security of the country and the formation of a new world order; in 2023 they concentrated on the protection of the cultural identity of Russia as the state-civilization; and in 2024, on economic growth and the renewal of the political elite. Since late 2024, the topic of negotiations initiated by U.S. President D. Trump has come into focus. The analysis has shown that Russian President Vladimir Putin is willing to search for a compromise solution in the face of threats to Russia.

Keywords: thematic narrative analysis, V. Putin, geopolitical reality, political discourse.

For citation: Savenkov R. V., Travyankina A. K. The Dynamics of Narratives in Vladimir Putin's Political Discourse Under Conditions of a New Geopolitical Reality (February 2022 – February 2025). *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2025. Vol. 26. No. 2. Pp. 23–39.

References

- Abramenko, A.V. (2014). Narrativnaya strategiya v kontekste asimmetrichnoi politicheskoi komunikatsii (po materialam vystuplenii V. V. Putina) [Narrative Strategy in Context of Asymmetric Political Communication (By the Materials of V. V. Putin's Speeches)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Theoretical and Practical Issues], 11–1, 13–18.
- Baisha, O. (2023). SVO i zakrytie diskursov: vytesnenie al'ternativnykh smyslov i fiksatsiya gegemonistskikh znachenii [SVO and the Closure of Discourses: Displacing Alternative Meanings and Fixing Hegemonic Meanings]. *Sotsiodigger* [Sociodigger], 4, 9. Retrieved from <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/svo-i-zakrytie-diskursov-vytesnenie-alternativnykh-smyslov-i-fiksaciya-gegemonistskikh-znachenii>
- Clandinin, D., & Caine, V. (2008). Narrative Inquiry. In Lisa M. Given (Ed.) *The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. (pp. 542–545). Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc. DOI: 10.4135/9781412963909.n275
- Daphi, P. (2017). *Becoming a Movement. Identity, Narrative and Memory in the European Global Justice Movement*. London: Rowman & Littlefield International Ltd.
- Dinamika obraza Vladimira Putina: ot Voina k Pravatelyu-Tvortsu [The Evolution of Vladimir Putin's Image: From Warrior to Visionary Leader] (2024). In *Doklad kommunikatsionnogo holdinga "Minchenko Konsalting"* [Report of the Communications Holding "Minchenko Consulting"]. Retrieved from https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Publicnyi_obraz_Putina_dlya_publicatsii.pdf
- Elliott, J. (2005). *Using Narrative in Social Research: Qualitative and Quantitative Approaches*. London: Sage.
- Forchtner, B., Jorge, M. E., & Eder, K. (2020). Towards a Revised Theory of Collective Learning Processes: Argumentation, Narrative and the Making of the Social Bond. *European Journal of Social Theory*, 23(2), 200–218

- Green, M. C., Brock, T.C. (2000). The Role of Transportation in the Persuasiveness of Public Narratives. *Journal of Personality and Social Psychology*, 79, 701–721.
- Il'in, I. P. (2001). *Postmodernizm. Slovar' terminov* [Postmodernism. Glossary of Terms]. Moscow: INION RAN: INTRADA.
- Itogi 2024 goda. Prognozy na 2025 god [Results of 2024 and Forecasts for 2025] (2024). In *Doklad Vserossiiskogo tsentra izucheniya obshchestvennogo mneniya (VTSIOM)* [Report of the All-Russian Public Opinion Research Center]. Retrieved from <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/itogi-2024-prognozy-2025>
- Kara-Murza, S. G. (2005). *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: Eksmo.
- Kaslova, A. A. (2003) *Metaforicheskoe modelirovanie v politicheskom narrative "Federal'nye vybory" v SShA i Rossii (2000 g.)* [Metaphorical Modeling in the Political Narrative of the "Federal Elections" in the USA and Russia (2000)] (Abstract of Thesis). Ekaterinburg.
- Kastels, M. (2016). *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. Moskva: Izd. Dom Vyshei shkoly ekonomiki.
- Kruse, E. N. (2020, May). *Making Sense of Ontological and Epistemological Standpoints in Narrative Analysis*. Humboldt University of Berlin. Retrieved from https://www.academia.edu/48980147/Narrative_analysis
- Lee, H. Y-H. (2014). Narrative Inquiry / Narrative Analysis. *Lecturer's Note Research Methodology*. Retrieved from https://www.academia.edu/9363192/Narrative_Analysis_Narrative_Inquiry
- Malinova, O. Yu. (2016). Ofitsial'nyi istoricheskii narrativ kak ehlement politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-kh k 2010-m godam [The Official Historical Narrative as a Part of Identity Policy of the Russian State: From the 1990s to the 2000s]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6, 139–158.
- Oleshkov, M. Yu. (2010). Diskurs i tekst: narrativnaya integratsiya smyslov [Discourse and Text: Narrative Integration of Meanings]. In M. Yu. Oleshko (Ed.) *Diskurs, tekst, kognitsiya: kollektivnaya monografiya* [Discourse, Text, Cognition: A Collective Monograph] (pp. 49–59). Nizhnii Tagil: NTGSPA.
- Onwuegbuzie, A. J., Abrams, S. S. (2024). Towards Mixed Methods Narrative Inquiry and Mixed Methods Narrative Research that are Transparent, Rigorous, Ethical, and Equitable (TREE). *Journal of Mixed Methods Studies*, 9, 82–129. DOI: 10.59455/jomes.2024.9.2
- Plahina, E., Belyakova, I. (2016). Beg po krugu: ritorika kholodnoi voyny v sovremennoi rossiiskoi i amerikanskoi presse [Running in Circles: Cold War Rhetoric in Contemporary Russian and American Press]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica], 4(2), 159–180.
- Pomiguyev, I. A., Prokopchuk, T. L., Koshkin, A. V. (2024). Vozmozhnosti metoda narrativnogo analiza, ili Kak iskat' politicheskie tsennosti v rossiiskom kino? [The Potential of the Narrative Analysis Method, or How to Identify Political Values in Russian Cinema]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 4, 45–65.
- Riessman, C. K. (2004). Narrative Analysis. In W. S. Levis-Beck et al. (Eds), *The Sage Encyclopedia of Social Science Research Methods*. DOI: 10.4135/9781412950589
- Savenkov, R.V., Travyankina, A.K. (2024). Dinamika patterna "ugroza natsional'noi bezopasnosti" v ritorike Prezidenta RF V. V. Putina v kontekste obshchestvennykh nastroyenii rossiyan [Dynamics of the Pattern "Threat to National Security" in the Rhetoric of the President of the Russian Federation V. V. Putin in the Context of Public Sentiment of Russians]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 26, 436–447. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-436-447
- Sheigal, E. I. (2007). Mnogolikii narrative [Multifaceted Narrative]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2, 86–93.
- Shenhav, S. (2015). *Analyzing Social Narratives*. New York: Routledge.
- Trotsuk, I. V. (2004). Narrativ kak mezhdistsiplinarnyi metodologicheskii konstrukt v sovremennykh sotsial'nykh naukakh. [Narrative as an Interdisciplinary Methodological Construct

- in Contemporary Social Sciences]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology], 1, 41–53.
- Tszin, Sh. (2024). Strategii i ehffekty literaturnoy diplomatii v vystupleniyakh V.V. Putina [Strategies and Effects of Literary Diplomacy in the Speeches of V. V. Putin]. In *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Yazyk i kul'tura: vzglyad molodykh"* [Language and Culture: The View of the Young. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Retrieved from https://www.elibrary.ru/download/elibrary_80237692_39488351.pdf
- Vol'chik, V. V. (2024). Ideologiya i narrativnaya ekonomika [Ideology and Narrative Economy]. *Terra Economicus* [Terra Economicus], 22, 21–33.

Received 25.03.2025

Accepted 12.05.2025

© 2025 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license – <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>